
А. В. ЕРАХТИН

ОСНОВНОЙ ИЛИ ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Основной вопрос философии занимает особое место в мировой философии, поскольку его не может обойти ни одна более или менее развитая философская система. Но в современной отечественной философии он подвергся ostracism, без всяких объяснений изымается из учебных и справочных пособий. Авторы, отрицающие наличие этого «основного вопроса», пытаются растворить его в бесконечном множестве других «основных вопросов» и на данном основании отрицают наличие борьбы между материализмом и идеализмом в истории философии.

В статье показано, что критика основного вопроса философии носит поверхностный и совершенно бездоказательный характер, поскольку она основана на искажении позиции Ф. Энгельса, который впервые его четко сформулировал.

Ключевые слова: монизм, плюрализм, основной вопрос философии, философия и религия, материализм и идеализм, классическая и современная отечественная философия.

The basic issue of philosophy plays special role in the world philosophy as no more or less developed philosophical system can avoid it. But in the modern Russian philosophy it was ostracised. It is not used in school-books and manuals without any explanation. The authors who deny the presence of this 'basic issue' try to 'melt it down' in endless number of other 'basic issues. Based on that, they also deny the presence of the struggle between materialism and idealism in the history of philosophy.

The article shows that the criticism of the basic issue of philosophy is poorly researched and is of hypothetical nature as it is based on the misinterpretation of the position of Friedrich Engels who was the first to give the clear definition of this issue.

Keywords: monism, pluralism, basic issue of philosophy, philosophy and religion, materialism and idealism, classical and modern Russian philosophy.

Вопрос о первоначале является одним из важнейших вопросов философии, с которого, собственно, и начинается эта наука. Что лежит в основе мира: материальное или духовное начало? Этот вопрос не может обойти ни одна сколько-нибудь развитая философская система. Отношение материи и сознания есть универсальный философский принцип, нашедший свое наиболее полное выражение в основном вопросе философии.

Основной вопрос философии, вопрос об отношении мышления к бытию, впервые был четко сформулирован Ф. Энгельсом, который указал на две его стороны. Первая (онтологическая) сторона – это вопрос о том, что является первичным и определяющим: бытие (материя) или мышление (сознание), другими словами – природа или дух? Материальное или идеальное? Вторая (гносеологическая) сторона заключается в вопросе о том, познаваем ли мир, способно ли мышление познать мир таким, каким он существует в действительности.

Приходится напоминать эти азбучные истины классической философии, поскольку о них сегодня нельзя прочесть ни в «Новой философской энциклопедии», ни во многих словарях и вузовских учебниках. А в работах, так или иначе затрагивающих основной вопрос философии, позиция Энгельса искажается, борьба материализма и идеализма в истории философии отрицается и заявляется, что в каждой философии есть свой «основной вопрос» или даже несколько. Таким образом, основной вопрос философии исчезает, поскольку он растворяется в бесконечном множестве других вопросов этой науки. Г. Д. Левин с горечью констатирует: «От революционных перемен, происшедших в отечественной философии, веет какой-то интеллектуальной трусостью. Из учебников и справочных пособий молча, безо всяких объяснений, изымают положения, считавшиеся когда-то фундаментальными, краеугольными... Исчез из них и основной вопрос философии – этот “становой хребет” диалектического материализма» [Левин 2004: 160]. Левин против того, чтобы исключить основной вопрос философии из курса философии. «Этот выдающийся научный результат Энгельса, – пишет он, – необходимо лишь додумать до конца и сформулировать на современном уровне» [Там же].

Действительно, философия, стремясь дать целостное представление о мире, не может обойти вопроса о соотношении материального и духовного, а в зависимости от ответа на его онтологическую сторону философские учения занимают две принципиально различные позиции. Существование материализма и идеализма как двух противоположных направлений – это неоспоримый факт истории философии, который был зарегистрирован задолго до формулировки Ф. Энгельса. А. Шопенгауэр, например, писал: «Все системы до сих пор начинали или с материи, что давало материализм, или с духа, с души, что давало идеализм или, по крайней мере, спиритуализм» [Шопенгауэр 2001: 55].

Попытки аргументированной критики «основного вопроса» в современной отечественной философии были предприняты академиком Т. И. Ойзерманом и известным нашим философом А. Л. Никифоровым. Никифоров правильно отмечает, что в период монопольного господства марксистской философии некоторые философы абсолютизировали основной вопрос философии, считали его чуть ли не единственной философской проблемой. Например, А. В. Потемкин писал: «Вопрос об отношении мышления к бытию не один из многих вопросов, стоящих в одном ряду с ними, и в этом смысле не есть основной вопрос наряду с не основными, а суть всех вопросов. Все философские вопросы заключены в его границах» [Потемкин 1973: 130].

Потемкин, конечно, неправ, но причем здесь Ф. Энгельс? Никифоров же интерпретирует Энгельса именно в том смысле, что будто основной вопрос философии «в каждой системе занимает центральное место» [Никифоров 2001: 88]. Но это явное искажение позиции Энгельса. Рассматривая основной вопрос философии в истории философии, Энгельс нигде не говорит о том, что он занимает центральное место или является единственным вопросом любой философии. Он делает акцент только на то, что в зависимости от его решения философы делятся на материалистов и идеалистов: «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те, которые основным началом считали

природу, примкнули к различным школам материализма. Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются» [Маркс, Энгельс 1961: 283].

Никифоров полагает: из данной Энгельсом формулировки вытекает, что «с самого начала своего возникновения философия должна была им заниматься» [Никифоров 2001: 82]. Но это снова неверная интерпретация Энгельса. Когда Энгельс говорит, что «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию», он понятие «всей» использует не в разделительном, а в собирательном смысле, то есть не всякая философия его рассматривает, тем более на начальном этапе ее развития. Энгельс писал, что этот вопрос имеет свои корни не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости, «но он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья» [Маркс, Энгельс 1961: 283].

Ссылаясь на то, что философские понятия, в том числе «материя» и «сознание», в разных философских системах приобретают специфический смысл, Никифоров пишет: «Называя вопрос об отношении мышления к бытию “основным вопросом” философии, мы невольно предполагаем, что он сохраняет один и тот же смысл во всех философских системах. Однако факт изменения значений философских понятий показывает, что это предположение ошибочно» [Никифоров 2001: 85]. Но если согласиться с этим тезисом А. Л. Никифорова, отрицающим существование общего в философских понятиях, то вообще будет неясно, как философы могут понимать друг друга. К счастью, начиная с Демокрита и Платона философы хорошо понимают различия между материалистами и идеалистами.

Первоначально проблема отношения материи и сознания ставилась в сугубо онтологическом плане, в плане уяснения места «души» в общей системе материального мира. Но уже Платон четко различает и противопоставляет два вида философов. Первые учат, что все произошло благодаря природе и случаю, «смотрят на

огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позднее из этих первоначал» [Законы 891С]. Другие же философы утверждают, что все «то, что существует по природе, и сама природа... возникло позднее из искусства и разума и им подвластно», и что «первоначало есть душа, а не огонь и воздух, ибо душа первична» [Там же: 892С]. Если что и «существует от природы», так это душа, а тело вторично по отношению к душе. В «Законах» же Платон прямо связывает идеализм с теизмом, а материализм – с атеизмом.

Отрицание основного вопроса философии в его классическом выражении происходит, по мнению А. Л. Никифорова, на том основании, что якобы каждый философ волен считать основным вопросом для себя и всей философии тот, который он исследует. Для Ф. Бэкона, например, главным был вопрос о расширении могущества над природой посредством изобретений, для Ж.-Ж. Руссо – вопрос о социальном неравенстве, для К. Гельвеция – вопрос о путях достижения счастья, для И. Канта – вопрос о сущности человека, для А. Камю – проблема самоубийства.

Один из аргументов, доказывающих, что основной вопрос философии присутствует в любой фундаментальной философской системе, гласит: «Неважно, что философ *субъективно* не осознает и не рассматривает этой проблемы, *объективно* он ее все-таки решает, и его решение – пусть и не выраженное им самим в явном виде – оказывает подспудное, но мощное влияние на все, что он делает». Рассматривая этот аргумент, Никифоров пишет, что он «сместит своей вызывающей некорректностью», и заявляет: «Лучше все-таки полагаться на то, что говорил и писал сам мыслитель» [Никифоров 2001: 88]. Получается, что если, например, Г. В. Ф. Гегель пришел к выводу, что его философской системой заканчивается развитие мировой философии, то так оно и есть, мы должны с этим согласиться. Или другой пример. Э. Мах, как известно, философом себя не считал, он постоянно повторял: «Нет философии Маха!» Тем не менее почти в каждом учебном пособии по истории философии *эмпириокритицизму*, то есть философии Маха, посвящается либо целая глава, либо несколько страниц. Таким образом, факты истории философии, которые можно было бы продолжить,

свидетельствуют о том, что далеко не всегда можно полагаться на то, что говорит о своей философии тот или иной мыслитель.

А. Л. Никифоров считает, что «любая из фундаментальных проблем может выступить в роли «основного вопроса философии», и в качестве примера приводит проблему соотношения эмпирического и теоретического. Он приходит к выводу, что «в каждой философской системе имеется свой основной вопрос (быть может, несколько), решение которого оказывает влияние на истолкование и решение других вопросов, обсуждаемых в системе. И эти вопросы для разных систем неизбежно будут различными» (Никифоров 2001: 86). Но разве можно уравнивать разные подходы в решении тех или иных философских вопросов в рамках одной философии с основными философскими направлениями?

Аналогичную позицию в отношении основного вопроса философии занимает академик Т. И. Ойзерман. В советский период, будучи одним из самых известных исследователей и пропагандистов марксистской философии в целом и философии диалектического материализма в частности, он писал: «Антитеза материализма и идеализма – результат радикальной поляризации философских учений на главные, исключаящие друг друга направления. Эклектизм, то есть попытка “дополнить” одно из главных философских учений другими, дабы преодолеть их “односторонность”, есть фактически соединение несоединимого. Поэтому эклектизм характеризует, как правило, незначительные философские учения» [Ойзерман 1983а: 107].

Сегодня Т. И. Ойзерман изменил свои взгляды на противоположные, он уже отрицает основной вопрос философии, говорит о наличии в философии многих вопросов, «которые могут и должны именоваться основными, основополагающими», и отрицает наличие борьбы между материалистами и идеалистами в истории философии. Материалисты, по его словам, высказывали только критические замечания в адрес идеалистов, а идеалисты считали ненужным обосновывать свои воззрения материалистам. «Яркий пример этого, – пишет он, – французский материализм XVIII в., который ведет решительную борьбу против религии и лишь в редких случаях высказывается об идеализме, кратко и, разумеется, отрицательно» [Он же 2005: 38].

Но разве религия и идеализм по-разному решают вопрос об отношении духовного и материального? И разве борьба с религией не является *формой* борьбы против идеализма? Ф. Энгельс говорит: «Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа, – этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существовал от века?» [Маркс, Энгельс, т. 21: 283]. Энгельс пишет, что только в эпоху крушения средневекового мировоззрения основной вопрос философии «мог быть поставлен со всей резкостью». И это видно, например, из полемики Т. Гоббса с епископом Брамголом, Д. Беркли – с «Гиласом» как собирательным образом атеистов и материалистов, а П. А. Гольбаха – со светскими и церковными идеалистами. Субъективный идеалист Беркли, как известно, самый непримиримый противник и критик материализма.

Т. И. Ойзерман, как и А. Л. Никифоров, искажает позицию Энгельса, приписывает ему мысль о том, что основной вопрос философии является единственным вопросом, которым должна заниматься философия. Он пишет: «Итак, тезис об одном-единственном “высшем вопросе всей философии” оказался мифом, развенчанным самим развитием философии. Ясно, что если бы этот вопрос занимал указанное ему Энгельсом место, то философией не стоило бы заниматься», тем более что это «давно уже решенный вопрос» [Ойзерман 2005: 47].

Рассматривая вопрос о познаваемости мира, Ойзерман пишет, что «он вовсе не вторая сторона того, что Энгельс называл высшим вопросом философии. Ведь Энгельс подчеркивает, что *и материалисты, и идеалисты*, как правило, положительно отвечают на этот вопрос, признают принципиальную познаваемость мира. Следовательно, сей вопрос никак не выражает противоположности между этими направлениями. Попытка логически вывести положение о познаваемости (или непознаваемости) мира из альтернативного решения вопроса об отношении между духовным и материальным явно несостоятельна» [Там же: 39].

С тезисом о том, что вопрос о познаваемости мира напрямую не связан с делением философов на материалистов и идеалистов, никто спорить не будет. С этим, как мы видим, согласен и Ф. Эн-

гельс. Хотя в целом последовательный материализм связан с принципиальной познаваемостью мира, а доведенный до своего логического конца идеализм – с агностицизмом. Об этом очень убедительно говорил в свое время сам Т. И. Ойзерман*. Непонятно только, почему он отождествляет основной вопрос философии с первой его стороной. Ведь первая сторона – вопрос о первичности материи или духа, а вторая сторона – вопрос о познаваемости мира, это разные стороны основного вопроса философии, вопроса о соотношении материи и мышления.

Рассуждая о заблуждениях классиков марксистской философии, Т. И. Ойзерман полагает, что В. И. Ленин ошибался, назвав отражение всеобщим свойством материи, родственным с ощущением. «...Логично предположить, – писал Ленин, – что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [Ленин, т. 18: 31]. Но ведь даже если признать, – говорит Ойзерман, – что отражение имеет место на всех уровнях развития материи, «то это вовсе не означает, что вся материя обладает свойством, родственным ощущению. Исследование жизни показывает, что таким родственным ощущению свойством является раздражимость, которая, конечно, не присуща неорганической природе» [Ойзерман 1999: 59].

Эту же проблему рассматривает и А. Л. Никифоров, пытаясь доказать на примере концепции П. Тейяра де Шардена, что основной вопрос философии на практике не работает. Он констатирует, что Тейяр де Шарден как ученый признает первичность материи по отношению к духу «в том смысле, что в основе возникновения жизни и последующего появления человеческого разума лежит усложнение структуры материальных форм» [Никифоров 2001: 94]. Действительно, рассматривая эволюцию универсума, проходящего ряд усложняющихся форм от элементарных частиц до человеческого общества, Тейяр де Шарден высказывает предположение, что даже неорганическим структурам, «если рассматривать материю с само-

---

* «Положительное решение этой проблемы принципиально различно в материализме и идеализме. Материалисты видят в познании отражение в человеческом сознании независимой от его реальности. Идеалисты же выступают против теории отражения, истолковывают познавательную деятельность то как комбинирование чувственных данных, то как конструирование объектов познания посредством априорных категорий, то как чисто логический процесс получения новых выводов из имеющихся аксиом или допущений» [Ойзерман 1983б: 468].

го низа», должно быть присуще что-то такое, из чего впоследствии разовьется сознание [Тейяр де Шарден 1985: 55]. Таким образом, заключает Никифоров, «для Тейяра нет вопроса о том, что первично – материя или сознание, ибо в самых элементарных своих проявлениях материя несет в себе зародыши последующей психики» [Никифоров 2001: 95]. Рассуждая о концепции Тейяра де Шардена, Никифоров никак не может определиться с его философской позицией: кто он – материалист, идеалист или дуалист? Он пишет: «Место Тейяра в дихотомии “материализм – идеализм” весьма и весьма неясно» [Там же: 94]. Исходя из этого, он предлагает отказаться от веры в «основной вопрос философии», согласно которому мы каждого философа якобы должны «уложить в прокрустово ложе нашего примитивного схематизма» [Там же: 95].

В действительности никакой проблемы здесь нет. Согласно материалистической философии мышление является атрибутивным свойством материи, поскольку оно выступает одной из форм отражения, высшей его формой. Еще Д. Дидро полагал, что у материи есть «чувствительность» как общее существенное ее свойство. Он доказывал, что различие между психикой человека и животных обусловлено различиями в их телесной организации, но это не противоречит мысли о том, что способность ощущения есть всеобщее свойство материи [Дидро 1941: 143]. С позиций современного материализма (и здесь Ленин, безусловно, прав) мы не можем говорить о материи, лишенной хотя бы в зародыше элементарного мыслительного начала. Э. В. Ильенков в работе «Космология духа» пишет: «Не совершая преступления против аксиом диалектического материализма, можно сказать, что материя постоянно обладает мышлением, постоянно мыслит самое себя. Это, конечно, не значит, что она в каждой своей частице, в каждое мгновение обладает способностью мыслить и актуально мыслит. Это верно по отношению к ней в целом, как бесконечной во времени и в пространстве субстанции» [Ильенков 1991: 415].

Что касается концепции Тейяра де Шардена в целом, то она действительно противоречива. Как известно, этот философ стремился разработать мировоззрение, которое было бы одновременно и научным, и религиозным. Как ученый он признает за материей определенные созидательные возможности, говорит о первичности материи по отношению к духу. Здесь он материалист. Как теолог

он считает, что сама материя вовлечена в поток развития «духом». Постулируя существование единой космической энергии, психической по своей природе, Тейяр де Шарден интерпретирует саморазвитие материального мира в духе концепции «продолжающегося божественного творения». Здесь он идеалист. Если игнорировать основной вопрос философии, то в этой концепции действительно было бы трудно разобраться.

Основной вопрос философии, как уже отмечалось, нельзя абсолютизировать, поскольку содержание основных идей материализма и идеализма носит конкретно-исторический характер. Материализм и идеализм не всегда составляли два взаимонепроницаемых «лагеря», в решении некоторых вопросов они соприкасались и даже перекрещивались. Многие философы, например И. Кант или П. Тейяр де Шарден, одни вопросы решали с позиций материализма, а другие – с позиций идеализма. Классическая система объективного идеализма Г. В. Ф. Гегеля, по характеристике Ф. Энгельса, «и по методу, и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» [Маркс, Энгельс, т. 21: 285].

Другими словами, разделять всех философов на материалистов и идеалистов можно лишь с известной долей условности, поскольку их позиции в решении некоторых вопросов могут совпадать. Но все-таки вопрос об отношении материи и сознания не случайно называют основным. Деление философов на материалистов и идеалистов вполне правомерно, **его нельзя изъять из реальной истории философии**. Оно необходимо, во-первых, потому, что от того или иного решения основного вопроса философии зависит сам характер философских теорий и решение многих других философских проблем. Во-вторых, основной вопрос философии позволяет лучше понять специфику и структуру философского знания, преемственность, сходство и различие в развитии философских школ в истории философии и в современном ее состоянии.

Литература

- Дидро Д. Избранные философские произведения. М., 1941.
Ильенков Э. В. Космология духа / Э. В. Ильенков // Философия и культура. М., 1991. С. 415–437.

Левин Г. Д. Опыт философского покаяния // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 160–169.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 31.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961.

Никифоров А. Л. Природа философии. Основы философии. М., 2001.

Ойзерман Т. И. Гегель и материалистическая философия // Вопросы философии. 1983а. № 3.

Ойзерман Т. И. Основной вопрос философии // Философский энциклопедический словарь. М., 1983б.

Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 37–48.

Ойзерман Т. И. Философия как история философии. СПб.: Алетея, 1999.

Потемкин А. В. О специфике философского знания. Ростов н/Д., 1973.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1985.

Шопенгауэр А. Новые Paralipomena / А. Шопенгауэр // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Из рукописного наследия. М., 2001.